

*ББК 83.3(2)
УДК 821.161.1*

В. В. Цуркан¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
veravts2013@yandex.ru*

А. ЧЕХОВ В ЭССЕИСТИКЕ А. БИТОВА

Статья посвящена рецепции чеховского мифа, занимающего особое место в писательской эссеистике А. Битова. Автор статьи подчеркивает, что современного писателя интересовали не столько подробности психологии А. П. Чехова, сколько загадка целостности и гармоничности, присущая личности последнего русского классика. В работе изучается феномен «наложения» совсем «не близких» по поэтике А. С. Пушкина и А. П. Чехова в очерке А. Битова «Мой дедушка Чехов и прадедушка Пушкин (Автобиография)», который реализуется в ряде аспектов: в пограничном положении «зачинателя» и «завершителя» «золотого века» русской литературы, в близости духовно-нравственных ориентиров, в феномене «цивилизованности»/«культурности», явленном в наследии обоих творцов, наконец, в чудесной дате рождения, вычисляемой по астрологическому календарю. С битовским осмыслением личности «последнего классика» автор статьи связывает проблему идентификации современного человека, несущего на себе бремя «невоплощенности» и пытающегося прозреть «свое», индивидуальное в «дедовском» и «прадедовском» существованиях. В связи с этим рассматривается центральная в ряде произведений А. Битова оппозиция роль/назначение, раскрывающаяся в антиномиях подлинное/мнимое, действительное/иллюзорное в контексте становления битовского «островного» типа сознания, на формирование которого в большой степени повлияло предпринятое «по стопам Чехова» путешествие на Сахалин. Отмечается мастерство А. Битова-эссеиста и аналитика литературы, синтезировавшего в очерке элементы разных жанров (путешествия, мемуаров, автобиографии). В авторской интерпретации судьбы А. П. Чехова подчеркивается роль критерия экологичности, родственного битовской

---

¹ Цуркан Вероника Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

трактовке «экологии вдохновения», а также важность данного аспекта в осмыслении прозы писателя-постмодерниста.

Ключевые слова: Битов, Чехов, Пушкин, мифологизация, деконструкция, биография, самоидентификация

Писательская эссеистика является одним из значимых объектов изучения в литературоведении [8], [12], [15], [16]. Различные аспекты творчества А. П. Чехова привлекает внимание как современных отечественных (см., например: [1], [5], [6], [7], [9], [10], [11], [14], [15]), так и зарубежных исследователей (см., например: [18], [19], [20]). Попытку создания «своего», авторского мифа о Чехове на рубеже XX-XXI вв. предприняли А. Зиновьев [7], В. Пьецух [13], М. Кураев [11], Р. Киреев [10]. Недавно ушедший замечательный русский прозаик, вдумчивый исследователь и внимательный читатель А. Битов полемически замечал, что прочтение классики без фактических ошибок узаконивает «нищету понимания» [4]. Создавая в 2004 году очередной филологический сюжет на границе рухнувшего исторического времени и пошатнувшегося постсоветского пространства, писатель вновь подчеркнул, что единственной «всепобеждающей константой», которая «только одна и остается» [2], является русская литература.

В эссе «Мой дедушка Чехов и прадедушка Пушкин (Автобиография)» академической истории отечественной классики А. Битов противопоставил собственную, альтернативную, сопрягающую разнонаправленные тенденции и принципы. В ней рядом с «массивами Толстого и Достоевского» [2] оказываются В. Хлебников и В. Розанов, В. Маяковский и В. Набоков («все они Гулливеры в стране Советов» [2]), А. Чехов и А. Пушкин, аккуратно обрамляющие «это роскошное варево жанров и стилей» [2]. И – неожиданно – сличающий жизнь с корифеями сам А. Битов, который стремится прочесть А. Чехова в том смысле, в каком классик писал: «почему вырубается вишневый сад? что связывает по рукам дядю Ваню? почему не летает мертвая чайка?» [2] Наконец, почему русские «самих себя не понимают» [2]?

Диалог современного писателя с кумирами лишен литературоведческой дотошности. Очерк содержит в себе разнохарактерные элементы: цитаты, сон, фрагменты автобиографии, лирические отступления. Битовская мысль переносит читателя из Петербурга в Таганрог, с острова Сахалин в университет в Мидлтауне. По аналогии со своими героями автор становится субстанцией подвижной. Мифологизация переходит

в постмодернистскую деконструкцию образа классика. С легкостью импровизатора А. Битов предлагает оригинальную версию появления А. Чехова в русской словесности: «Русская литература <...> потеряла иммунитет и простудилась. Требовался врач. Чехов <...> знал диагноз» [2]. Жизнь доктора-писателя, любовно именуемого Айболитом, не нуждается, по мнению А. Битова, в каких бы то ни было интерпретациях ученых, давно создавших школьный портрет писателя пожилого, положительного и «небогатого». Исключенный А. Битовым из «чугунного политбюро русской литературы» [2] А. Чехов, с одной стороны, предстает «молодым красавцем, модником и бабником» [2] любителем выпить и «погулять» (это объясняется тяжелой наследственностью художника: «Дедушка Чехова был ещё крепостным рабом. Действительно, какая тут может быть история! Как тут не запить!» [2]), а с другой стороны, творцом, который «не нравился многим»: за холодность, неприглядность, точность, за «беспощадность к человеку в той же мере, как и сострадательность» [2]. Впрочем, А. Битова занимают не столько подробности чеховской биографии, сколько загадка целостности и гармоничности, присущая личности последнего русского классика. А еще – его волнует феномен «наложения» «максимально не близких по своей поэтике» [2] А. Пушкина и А. Чехова.

Встреча с гениальными художниками на границе времени и пространства – так можно определить тему битовского очерка. «Пограничность» кумиров сказывается во всем: в положении, которое они занимают в литературе (один – «зачинатель», другой – «завершитель»), в чудесной дате рождения, которую А. Битов интерпретирует по восточному астрологическому календарю, где январь всегда относится к предыдущему году: «Чехов родился 29 января 1860 года, то есть ещё в год Козы, а не в год Обезьяны, хотя и на самой его границе, то есть в самый что ни на есть пушкинский год, через шестьдесят лет, когда восточный год полностью повторяется не только по зверю, но и по стихии, – год Металлической Обезьяны. Раз в шестьдесят лет такая напасть. То Пушкин, то Чехов... К тому же родился он в день смерти Пушкина. Не счесть ли, не задумываясь, это знаком?» [2]. Вмешиваясь в загадочные отношения прежних писателей, А. Битов находит в их судьбе и творчестве другие сближения. Например, пушкинская «История Пугачевского бунта» и чеховский «Остров Сахалин». Первая была сочтена потомками «историей», а вторая – географией, очевидно, потому что «в России эти два предмета неразделимы» [2].

На фоне трагической картины исхода советской цивилизации А. Битов строит свои гипотезы и тоже – на границе прозы и поэзии. Он наводит мосты, ищет моменты родства, и в иных («дедовском» и «прадедовском» существованиях) прозревает свое: «Мой дед был ровесником Чехова, но дед моего героя (Левы Одоевцева) мог быть его сыном» или «По возрасту Пушкин мог бы быть дедушкой Чехова, как Чехов – моим», наконец, «Ещё и потому он мне *дедушка*, что мой дед был на год старше Чехова» [2]. Битовское литературоведение, таким образом, становится способом самоидентификации. Не случайно эссе «Текст как поведение» в книге «Пятое измерение» начинается с фразы «Чехова и отца я люблю ровно и одинаково» [2]. Термин «текст», таким образом, превращается в метафору, разрушающую границы между жизнью и книгой.

Устанавливая через время личный контакт с последним драматургом и прозаиком XIX века, А. Битов вспоминает о собственной поездке на Сахалин, в которой его, как и А. Чехова, более всего поразила «безмерность» родного пространства. Более совершенный способ передвижения (не на лошадях, а на вездеходе) исчерпывает разницу между отдаленными столетием путешествиями. В жизни «острова на отшибе» [2], за это время мало что изменилось. «Непросохшая лужа», «вагончик пивнушки», «разрушенный причал», «неопохмелившийся человек» [2], в котором проступают черты «дедушки-каторжанина», бытовые и автобиографические подробности высвечивают гражданский подвиг А. Чехова, который знал, как пишет А. Битов, что значит в России «не доход, а вклад» [2]. Мифологема острова-острога постепенно вырастает в нравственную категорию, объединяющую утопию и антиутопию. Чеховское самоотречение характеризуется как подвижничество, а сам «донкихот упорядочивания России» [2] апологизируется, именуясь «великим человеком», «дальновидцем» [2], пророком.

Для читателя, который находится в поисках внутренней цельности, центральная антиномия очерка *роль/назначение*, раскрывающаяся в оппозициях подлинное/мнимое, действительное/иллюзорное, чрезвычайно актуальна. В написанном за несколько десятилетий до этого травелогге «Уроки Армении» А. Битов сам задавался вопросом: «Откуда берутся идеалы? <...> С каким, откуда взявшимся отпечатком я сличаю свою жизнь?» [3, 452]. Из битовской автобиографии становится понятно, откуда... Оба – А. Пушкин и А. Чехов («рыцарь чести» и «рыцарь стыда» [21]) – «не спутали» свою роль с назначением. Отказавшись от пафоса и назидания, от претензий на исключительность А. Чехов

нашел смысл жизни в приобщении к общечеловеческому. «Проповедь его тайна и проста, – замечает А. Битов, – будьте, наконец, как люди! То есть порядочнее и честнее, меньше пейте и лучше работайте, берегите лес и почву...» [2]. Как всегда, у А. Битова, природа переплетена с историей, эсхатология с экологией, понятой как экология духовная, «экология русской речи» (не случайно монография Э. Чансес озаглавлена «Андрей Битов: экология вдохновения» [17].

Итак, «Мой дедушка Чехов и прадедушка Пушкин (Автобиография)» – это не только нерукотворный памятник А. Пушкину и А. Чехову, но и самому автору, сумевшему любовно сохранить образы «чуда явления мирового культурного уровня» и «чудо явления цивилизованности в русском интеллигенте» [1] внутри своего «Я».

Литература

1. Абрамзон Т. Е., Зайцева Т. Б., Рудакова С. В. Романтическая концепция красоты в рассказе Чехова «Красавицы» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 2 (52). С. 343–355.
2. Битов А. Г. Империя в четырех измерениях. Москва: Фортуна Лимитед, 2002. 784 с.
3. Битов А. Г. Мой дедушка Чехов и прадедушка Пушкин (Автобиография) [Электронный ресурс] // А. Г. Битов Пятое измерение. На границе времени и пространства. Москва: АСТ, 2013. URL: <https://www.libfox.ru/516768-andrey-bitov-pyatoe-izmerenie-na-granitse-vremeni-i-prostranstva-sbornik.html> (дата обращения: 15.02.2020).
4. Битов А. Г. Тупик – это очень интересная вещь (А. Битов о русском языке, постимперии и астрологии русской литературы) [Электронный ресурс] // Критическая масса. 2006. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/km/2006/4> (дата обращения: 15.02.2020).
5. Зайцева Т. Б. Художественная антропология А. П. Чехова экзистенциальный аспект (Чехов и Киркегор): автореф дис. ... доктора филол. наук: 10.01.01 – Русская литература. Екатеринбург, 2015. 22 с.
6. Зайцева Т. Б. Экзистенциалистская точка зрения А. П. Чехова на феномен смерти // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 19. С. 271–282.
7. Зиновьев А. А. Мой Чехов // Звезда. 1992. № 8. С. 31–65.
8. Зотов С. Н., Зотов М. С. Поэтическая личность Бродского в автобиографической эссеистике // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2015. № 2. С. 8–13.

В. В. Цуркан

9. Катаев В. Б. Чехов плюс...: предшественники, современники, преемники. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 391 с.

10. Киреев Р. Т. Приближение к Таганрогу: (Повесть-эссе) // Звезда. 1988. № 1. С. 109–137.

11. Кураев М. Н. Актуальный Чехов: Заметки о классике // Дружба народов. 1998. № 12. С. 168–179.

12. Немец Г. Н. Концептуализация времени в эссеистике В. В. Набокова: проблемы рецепции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 23–27.

13. Пьецух В. А. Уважаемый Антон Павлович! Циклы. Рассказы. Москва: РИК «Культура», 1991. С. 189–198.

14. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.

15. Цуркан В. В. Г. Адамович о художниках Серебряного века // Libri Magistri. 2015. № 2. С. 110–114.

16. Цуркан, В.В. «Тайна» гения в статье П.Струве «Дух и слово Пушкина (к истории белградской пушкинианы) // Взаимоотношения России и Сербии: гуманитарные науки сегодня. Белград. 2017. С. 115–121.

17. Чансес Эллен. Андрей Битов: Экология вдохновения. СПб.: Академический проект, 2006. 320 с.

18. Golomb H. A New Poetics of Chekhov's Plays: Presence through Absence. Brighton; Chicago: Sussex Academic Press, 2014. 434 p.

19. Klapuri T. Chronotopes of Modernity in Chekhov. Turku: Turun yliopisto, 2015. 205 p.

20. Lapushin R. "Dew on the Grass": The Poetics of Inbetweenness in Chekhov. N. Y.: Peter Lang, 2010. 210 p.

REFERENCES

1. Abramson T. E., Zaytseva T. B., Rudakova S. V. The romantic beauty concept in the story «Beauty» by Chekhov // Journal of historical, philological and cultural studies. 2016. № 2 (52). С. 343–355.

2. Bitov A. G. Мой dedushka Chekhov i pradedushka Pushkin (Avtobiografiya) [Elektronnyy resurs] // A. G. Bitov Pyatoye izmereniye. Na granitse vremeni i prostranstva. Moscow: AST. 2013. URL: <https://www.libfox.ru/516768-andrey-bitov-pyatoye-izmerenie-na-granitse-vremeni-i-prostranstva-sbornik.html> (accessed: 01.02.2020).

3. Bitov A. G. Imperiya v chetyrekh izmereniyakh. Moscow: Fortuna Limited. 2002. 784 p.

4. Bitov A. G. Tupik – eto ochen interesnaya veshch (A. Bitov o russkom yazyke, postimperii i astrologii russkoy literatury) [Elektronnyy resurs] // Kriticheskaya massa. 2006. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/km/2006/4> (accessed: 01.02.2020).
5. Zajceva T. B. Hudozhestvennaja antropologija A. P. Chehova jekzistencial'nyj aspekt (Chehov i Kirkegor): avtoref dis. ... doktora filol. nauk: 10.01.01 – Russkaja literatura. Ekaterinburg, 2015. 22 p.
6. Zajceva T. B. A. Chekhov's existential point of view on phenomenon of death // Journal of historical, philological and cultural studies. 2008. № 19. Pp. 271–282.
7. Zinov'ev A. A. Moy Chekhov // Zvezda. 1992. № 8. Pp. 31–65.
8. Zotov S. N., Zotov M. S. Poetic personaliti Brodsky in the autobiographical esseys // Vestnik Taganrogskego gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. 2015. № 2. Pp. 8–13.
9. Kireyev, R. T. Priblizheniye k Taganrogu: (Povest-esse) // Zvezda. 1988. № 1. Pp. 109–137.
10. Kurayev, M. N. Aktualnyy Chekhov: Zametki o klassike // Druzhba narodov. 1998. № 12. Pp. 168–179.
11. Kuraev M. N. Aktual'nyj Chehov: Zametki o klassike // Druzhba narodov. 1998. № 12. Pp. S. 168–179.
12. Nemeč G. N. Konceptualizacija vremeni v jesseistike V. V. Nabokova: problemy recepcii // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie. 2011. № 2. Pp. 23–27.
13. Pyetsukh, V. A. Uvazhayemyy Anton Pavlovich! Tsikly. Rasskazy. Moscow: RIK «Kultura». 1991. Pp. 189–198.
14. Stepanov A. D. Problemy kommunikacii u Chehova. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 400 p.
15. Tsurkan V. V. G. G. Adamovich about the artists of the silver age [The "mystery" of a genius in p. struve's WORK "the spirit and the word of Pushkin" (to the history of Belgrade Pushkiniana)] // Libri Magistri. 2015. № 2. Pp.110–114.
16. Tsurkan V. V. «Tayna» geniya v statye P. Struve «Dukh i slovo Pushkina (k istorii belgradskoy pushkiniy) //Vzaimootnosheniya Rossii i Serbii: gumanitarnyye nauki segodnya. Belgrad. 2017. Pp. 115–121.
17. Chances Ellen. Andrey Bitov: Ekologiya vdokhnoveniya. SPb.: Akademicheskij projekt. 2006. 320 p.
18. Golomb H. A New Poetics of Chekhov's Plays: Presence through Absence. Brighton; Chicago: Sussex Academic Press, 2014. 434 p.
19. Klapuri T. Chronotopes of Modernity in Chekhov. Turku: Turun yliopisto, 2015. 205 p.

В. В. Цуркан

20. Lapushin R. “Dew on the Grass”: The Poetics of Inbetweenness in Chekhov. N. Y.: Peter Lang, 2010. 210 p.

A. BITOV’S ESSAYISTICS: A. CHEKHOV

V. V. Tsurkan

Assistant Professor, PhD in Philology,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to the reception of the Chekhov myth, which occupies a special place in the writing of essays. The author of the article emphasizes that A. Bitov was not so much interested in the details of A.P. Chekhov’s psychology, but in the mystery of integrity and harmony inherent in the personality of the last Russian classic. In the work, the phenomenon of “overlapping” quite “not close” on poetics of A.S. Pushkin and A.P. Chekhov in the essay by A. Bitov “My grandfather Chekhov and great-grandfather Pushkin (Autobiography)” (2004) The author explores the way a postmodern writer sees “his own” in the “grandfathered” and “great-grandfather” existences, solving the problem of identifying a modern thinking person who bears the burden of non-embodiment. The central role in the work of A. Bitov’s opposition is analyzed: the role, revealed in such antinomies as genuine / imaginary, real / illusory in the context of Bitov’s “island” type of consciousness formation, which should have been greatly influenced by the journey undertaken “in Chekhov’s footsteps” to Sakhalin. A. Bitov’s skill as an essayist and a literary analyst is noted. In the author’s interpretation of A.P. Chekhov’s fate the role of environmental safety criterion, which is related to Bitov’s interpretation of the “ecology of inspiration” is emphasized, as well as the importance of this aspect in understanding of the postmodern writer creativity.

Keywords: Bitov, Chekhov, Pushkin, mythologization, deconstruction, biography, self-identification.

Для цитирования: Цуркан В. В. А. П. Чехов и эссеистика А. Битова // Libri Magistri. 2020. № 2 (12). С. 103–110.

Поступила в редакцию 30.03.2020